

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.101

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.3.100>

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

© **Россинский С. Б., 2024**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Подводятся итоги очередного этапа научных изысканий автора, посвященных обвинительным заключениям как правоприменительным актам, завершающим досудебные производства по уголовным делам и предопределяющим их направления в суды для рассмотрения по существу. Обращается внимание на сформировавшиеся ввиду целого ряда причин достаточно деструктивные подходы к форме и содержанию обвинительных заключений, которые осложняют правоприменительную практику органов предварительного расследования, приводят к разбалансировке процессуальных функций, к неразумному соотношению следственных, прокурорских и судебных полномочий. Кроме того, говорится о несоответствии данных подходов подлинному предназначению обвинительных заключений, в связи с чем обращается внимание на потребность в разработке, введении в предмет уголовно-процессуального регулирования и постепенном внедрении в правоприменительную практику новых подходов к составлению данных документов. При этом обосновывается позиция, увязывающая возможность решения поставленных задач с нормативной и практической реставрациями, просуществовавших непродолжительное время и затем официально признанных непригодными для использования требований к форме и содержанию обвинительных заключений, отраженных в первоначальной редакции ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В связи с чем предлагается вновь сократить объем включаемых в обвинительные заключения сведений, превратив их в краткие «аннотации» к материалам окончанных досудебных производств, не предполагающие обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения имеющихся доказательств.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинительное заключение, окончание предварительного следствия, следственный акт, полномочия следователя, предание суду, решение следователя.

INDICTMENT: CURRENT ISSUES OF FORM AND CONTENT

© **Rossinsky S. B., 2024**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The results of the next stage of the author's scientific research, devoted to indictments as law enforcement acts that complete pre-trial proceedings in criminal cases and predetermine their referral to the courts for consideration on the merits, are summed up. Attention is drawn to rather destructive approaches to the form and content of indictments that have emerged due to a number of reasons, which complicate the law enforcement practice of preliminary investigation bodies, lead to an imbalance of procedural functions, and an unreasonable balance of investigative, prosecutorial and judicial powers. In addition, it is said that these approaches do not correspond to the true purpose of indictments, and therefore attention is drawn to the need for the development, introduction to the subject of criminal procedural regulation and the gradual introduction into law enforcement practice of new approaches to the preparation of these documents.

At the same time, a position is substantiated that links the possibility of solving the set tasks with normative and practical restoration, which existed for a short time and then were officially recognized as unsuitable for use by the requirements for the form and content of indictments reflected in the original wording of Art. 220 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In this connection, it is proposed to again reduce the volume of information included in indictments, turning them into brief "annotations" to the materials of completed pre-trial proceedings, which do not imply a detailed coverage of the results of investigative activities, primarily a detailed presentation of the available evidence.

Keywords: pre-trial proceedings; closing indictment; completion of the preliminary investigation; investigative act; powers of the investigator; being put on trial; investigator's decision.

Введение

Некоторое время назад на строгий суд юридической общественности были представлены результаты ряда научных изысканий автора

настоящей статьи, связанных с сущностью и правовым предназначением обвинительного заключения как уголовно-процессуального акта, завершающего досудебное производство по уго-

ловному делу в целом и его основную, собственно «следственную» фазу в частности [7, с. 35–39]. При этом особая актуальность подобной теоретической задачи виделась в обусловленном недостаточно четким доктринальным осмыслением и не вполне удачным нормативным регулированием финального этапа предварительного следствия смещении процессуальных миссий обвинительного заключения и предшествовавшего по времени постановления о привлечении в качестве обвиняемого – говорилось о некотором дублировании ролей указанных правоприменительных актов в части определения объема, содержания и границ выдвигаемой в отношении подвергаемого уголовному преследованию лица публично-правовой претензии (обвинения) как предмета предстоящего судебного разбирательства в первой инстанции.

В итоге был сформулирован вывод о некорректности понимания обвинительного заключения в качестве документа, завершающего процедуру досудебного привлечения к уголовной ответственности и предполагающего правильную расстановку всех точек над *i* в вопросах формулирования существа и параметров предполагаемого к представлению в суд обвинительного тезиса. Процессуальную миссию обвинительного заключения предлагалось усматривать не столько в повторном изложении или конкретизации предмета будущего судебного разбирательства – такая роль отождествлялась исключительно с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, – сколько в резюмировании результатов предварительного следствия, в их признании пригодными для направления уголовного дела в суд, а также в формальном окончании всех свойственных досудебному производству правоотношений. Кроме того, обвинительное заключение одновременно предлагалось считать юридическим фактом (поводом), предопределяющим возникновение принципиально новых правоотношений, присущих судебным стадиям уголовно-процессуальной деятельности. И наконец, отмечались иные роли обвинительного заключения: обеспечительная, связанная с реализацией права на защиту и доступ к правосудию, а также организационно-техническая (справочная), предполагающая его использование в качестве своеобразного процессуального «путеводителя», позволяющего потенциальным читателям (прокурору, судье, обвиняемому, защитнику и др.) быстро ориентироваться в материалах уголовного дела и находить требуемые документы, в первую очередь

в случаях значительного объема соответствующего следственного производства.

Такие взгляды на сущность и предназначение обвинительного заключения невольно привели к размышлениям о приемлемости используемой в настоящее время его документальной формы и разумности включения в его содержание всех предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законом атрибутов, в частности изложения предъявленного обвинения, перечней и краткого содержания планируемых к использованию сторонами в судебном заседании доказательств и т. д. Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Материалы и методы исследования

Вообще сами идеи, предполагающие передачу полномочий по вынесению итоговых процессуальных решений досудебного производства в ведение следователей, возникли и приобрели нормативное воплощение чуть более ста лет назад¹ – в связи с формированием раннесоветской системы уголовной юстиции в существующих на тот момент сложных социально-политических условиях развития принципиально новых форм государственности и методов государственного управления [8, с. 8–52]. Тогда же появился и сам термин «обвинительное заключение» – под ним стали понимать обусловленный выводами о необходимости предания обвиняемого суду правоприменительный акт, фиксирующий итоги предварительного расследования и воплощающий результаты всей проделанной по соответствующему уголовному делу следственно-оперативной работы [2, с. 167; 3, с. 188]. Поэтому уже в положениях раннесоветского уголовно-процессуального законодательства – в ст. 214 «пробного» УПК РСФСР 1922 г.² и ст. 210 принятого менее чем через год «обновленного» УПК РСФСР 1923 г.³ – в обвинительном заключении предписывалось излагать все установленные обстоятельства уголовного дела и предопределяющие вывод о предании обвиняемого

¹ Ранее, до Октябрьской революции, подобные полномочия находились в исключительном ведении прокуроров, которым предписывалось выдвигать официальные обвинения и принимать решения о завершении досудебных производств с направлением материалов уголовных дел в суды посредством вынесения иных процессуальных документов – обвинительных актов.

² Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

³ Об утверждении Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР (вместе с Уголовно-процессуальным Кодексом РСФСР) : постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

суду доказательства; с октября 1929 г.¹ данные требования, будучи перенесенными в ст. 207 УПК РСФСР 1923 г., пополнились указанием об изложении не только обвинительных, но и «контробвинительных» доказательств, так или иначе опровергающих решение о привлечении человека к уголовной ответственности.

Тогда как в позднесоветском уголовно-процессуальном законе подобные требования стали более конкретизированными – согласно ст. 205 УПК РСФСР 1960 г.² в обязанности следователя³ помимо прочего входило подробное освещение в обвинительном заключении всех существенных обстоятельств преступления, в том числе места, времени, способов, мотивов и последствий его совершения, подтверждающих преступление и виновность лица доказательств, смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств, а также доводов, приводимых в защиту обвиняемого, и их проверки. Одновременно стали формироваться и существующие по сегодняшний день доктринальные подходы к форме и содержанию обвинительного заключения. Уже начиная с 1960-х гг. советские ученые-процессуалисты четко ассоциировали его с повторным анализом и новой, как бы предсудебной оценкой материалов уголовного дела на предмет всесторонности, полноты и объективности установленных обстоятельств [4, с. 294; 11, с. 88; 13, с. 63, 64].

За истекшее время был наработан большой опыт подготовки обвинительных заключений и выработались хорошо известные каждому дознавателю, следователю, прокурору, адвокату или судье более или менее единообразные прикладные технологии [1, с. 10–72; 9, с. 64–69]. Соответствующие рекомендации в течение многих лет используются по любому подлежащему направлению в суд уголовному делу и обычно воспринимаются практическими работниками как нечто очевидное, само собой разумеющееся, а связанные с ними и передаваемые «из поколения в поколение» профессиональные хитрости

¹ Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 окт. 1929 г. // СУ РСФСР. 1929. № 78. Ст. 756.

² Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом) : закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ В соответствии с положениями УПК РСФСР 1960 г. полномочиями по составлению обвинительных заключений наряду со следователями наделялись и органы дознания, которым надлежало руководствоваться теми же самыми требованиями к составлению данных документов. В этой связи для упрощения изложенного материала автор настоящей статьи решил ограничиться рассмотрением освещаемых вопросов лишь в части работы следователя как «титального» участника предварительного расследования.

и секреты являются предметом особой гордости опытных сотрудников органов предварительного расследования. В итоге обвинительное заключение превратилось в своеобразный «автореферат» завершеного следственного производства, предполагающий более чем подробное изложение содержания и результатов всей проделанной следователем работы.

Вместе с тем на поверку подобные нормативные требования и предопределенные ими прикладные технологии оказались далеко не безупречными. Они стали оказывать достаточно пагубное влияние на правоприменительную практику, а зачастую – даже приводить к смещению «центра тяжести» всей системы уголовной юстиции, к некоей разбалансировке процессуальных функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Во-первых, включающие столь подробно и обстоятельно изложенный процессуальный «контент» обвинительные заключения стали достигать весьма значительных объемов, а их подготовка – отнимать у следователей много времени и сил. Это неизбежно привело к увеличению возлагаемой на следователей служебной нагрузки, к поверхностному, подчас сугубо формальному исполнению ими других служебных обязанностей, а в конечном счете – к общему снижению качества предварительного расследования и явно нерациональному расходованию имеющихся ресурсов и выделяемых государством средств. Причем особо заметными подобными проблемами стали в последнее десятилетие XX в. – в связи с появлением множества сложных и объемных уголовных дел об экономических преступлениях, о деяниях, совершенных организованными группами, сообществами и т. д. Например, автору настоящей статьи, проходившему службу в «экономическом» отделе Следственного управления ГУВД г. Москвы (позднее – Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы), вспоминаются обвинительные заключения, на подготовку которых уходило по несколько недель, иногда месяцев непрерывной работы и объемы которых исчислялись несколькими сотнями листов, а то и несколькими томами.

А во-вторых, оформленные в соответствии с такими требованиями и прикладными рекомендациями обвинительные заключения оказались предрасположены к фактическому использованию в качестве своеобразных «проектов» будущих судебных приговоров, поскольку содержали вполне достаточные для их обоснования

и надлежащим образом сформулированные доводы, аргументы, логические посылки и пр., включая должное описание всех установленных обстоятельств, подробный анализ имеющихся доказательств, другие известные атрибуты судебных актов. В этой связи недобросовестные представители прокуратуры и судебной системы, уразумев выгоду подобных требований и рекомендаций, стали пренебрегать собственными полномочиями, уклоняться от «лишней» работы за счет использования буквально «преподносимых на блюде» результатах следственной деятельности.

В частности, некоторые несознательные прокуроры почему-то начали «забывать» о прямо вытекающих из смысла закона надзорных обязанностях, состоящих в проверке всего поступившего из органа предварительного следствия уголовного дела в полном объеме (!), решив ограничиваться лишь изучением (иногда достаточно беглым просматриванием) обвинительных заключений. А иногда они даже переставали надлежащим образом готовиться к участию в судебных заседаниях в качестве государственных обвинителей, прибегая к помощи обвинительных заключений как своеобразных шпаргалок. Особую распространенность такие псевдотехнологии опять-таки получили в 1990-е гг. В связи с резким увеличением объемов некоторых уголовных дел прокуроры оказались физически неспособны в предусмотренные законом сроки рассматривать поступающие многотомные материалы, принимать по ним взвешенные процессуальные решения и готовиться к судебным заседаниям. В частности, известны случаи, когда следователи не передавали прокурорам окончательные производством уголовные дела в полном объеме, а по их просьбам отвозили основную часть наработанных материалов непосредственно в суды; в прокуратуру же представлялись лишь обвинительные заключения, на основании которых принимались соответствующие решения и строилась тактика поддержания государственных обвинений.

И все же наибольшую «пользу» из существующих подходов к форме и содержанию обвинительных заключений извлекли именно недобросовестные судьи. Быстро осознав возможность пренебрежения условием непосредственности рассмотрения уголовного дела, уклонения от подробного вникания в детали рассматриваемого правового спора, от «изнурительных» раздумий по подлежащим разрешению вопросам, от «утомительной писанины», требуемой для

должной мотивировки своих решений, они принялись совершенно бесцеремонно заимствовать для включения в содержание приговоров соответствующие фрагменты обвинительных заключений, порой дословно копируя целые страницы «следственных» текстов. Поэтому неудивительно, что при подобных обстоятельствах «центр тяжести» всей системы уголовной юстиции сместился именно в сторону досудебного производства, а основное бремя ответственности за надлежащее разрешение уголовных дел фактически стало возлагаться на следователей как авторов обвинительных заключений. Другими словами, предварительное расследование фактически превратилось в важнейшую, в определенном смысле кульминационную стадию уголовного судопроизводства, а установленные следственным путем обстоятельства – в непреложную гносеологическую основу для судебного разрешения уголовного дела и постановления приговора. Тогда как недобросовестные судьи, по сути, стали ограничиваться ролью пассивных рерайтеров-переписчиков обвинительных заключений, по всей вероятности, относясь к порученным им судебным процедурам как к пустым формальностям.

Особо заметными эти изъяны судебной практики стали в связи с постепенным оснащением судов, органов дознания и предварительного следствия персональными компьютерами с установленными на них программами для создания и редактирования текстов, а также появлением 5,25-дюймовых и 3,5-дюймовых дискет для хранения и передачи различных данных. Ввиду возникновения подобных технических возможностей работа судей по написанию текстов приговоров на основе поступающих в суды обвинительных заключений во многом свелась к использованию примитивного алгоритма `copy → paste` (копировать → вставить). И автору настоящей статьи вспоминаются случаи, связанные с поступающими в адрес следователей «дружескими» просьбами или даже настоятельными требованиями судей о передаче в их распоряжение дискет с электронными версиями обвинительных заключений по принятым ими к производству уголовным делам – в противном случае могли наступить весьма нежелательные последствия: от ухудшения налаженных рабочих отношений с представителями судебной системы до возвращения уголовных дел на дополнительное расследование. Встречались и более вопиющие ситуации: сотрудницам канцелярий некоторых судов прямо запрещалось принимать

и регистрировать поступающие уголовные дела без приложенных к ним дискет с электронными версиями обвинительных заключений.

В этой связи уместно предположить, что участвующие в разработке требований к форме и содержанию обвинительных заключений, а также соответствующих прикладных технологий советские ученые и практические работники даже не помышляли о негативных последствиях своих правотворческих инициатив. По всей вероятности, их благие замыслы были направлены исключительно на укрепление режима социалистической законности, на усиление защищенности обвиняемого, на воплощение иных правовых ценностей и пронизаны стремлением к достижению максимальной прозрачности досудебного производства. А исчерпывающее изложение в обвинительных заключениях итогов предварительного расследования, скорее всего, расценивалось в качестве своеобразной формы отчетности следователей о проделанной работе, в качестве подспорья в надлежащем уяснении потенциальными читателями (прокурорами, судьями и др.) соответствующих обвинительных позиций.

Правда, вполне допустима и другая гипотеза. Возможно, что стоящие у истоков данных требований и прикладных технологий специалисты в силу своей проницательности и большого опыта хотя и не столь отчетливо, но все же предвидели наступление подобных негативных последствий, осознавали опасность каких-то злоупотреблений со стороны недобросовестных прокуроров и судей. Однако ввиду наблюдаемых стремлений государства к усилению кадрового потенциала судебных и правоохранительных органов они не придавали таким прогнозам особого значения – с определенной долей оптимизма и наивности рассчитывали, что в ближайшей перспективе непрофессиональные и безответственные представители советской юстиции будут практически полностью искоренены. Более того, не исключено, что подобным прогнозам вообще придавался не столько негативный, сколько позитивный смысл – в условиях действия советской модели уголовного судопроизводства, предполагающей большую по сравнению с современностью степень инквизиционности и меньшее количество элементов состязательности, упрощение «постследственных» прокурорских проверок, а равно и ускорение «прохождения» уголовных дел через судебные инстанции вполне могли восприниматься как способствовавшие быстрому изобличению

виновных и обеспечению правильного применения уголовного закона, т. е. решению одной из стоящих перед УПК РСФСР 1960 г. задач.

Вместе с тем в современных реалиях уголовного судопроизводства все эти доводы видятся совершенно непригодными для обоснования разумности пока еще сохранившихся «советских» требований к форме и содержанию обвинительного заключения, а также целесообразности использования predeterminedных ими практических рекомендаций – в условиях состязательной формы правосудия, достаточно прагматичного отношения к перспективам развития кадрового потенциала судебной системы и прокуратуры подобные аргументы представляются абсолютно несостоятельными. По крайней мере, на сегодняшний день оставлять без должного внимания никоим образом не утратившую актуальности проблему, выраженную в предрасположенности таких требований и практических рекомендаций к фактическому смещению «центра тяжести» системы уголовной юстиции, к разбалансировке процессуальных функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, просто недопустимо! И уж тем более недопустимо оправдывать деструктивное поведение недобросовестных представителей судебной системы и прокуратуры, продолжающих уклоняться от надлежащего исполнения полномочий за счет неправомерного использования подробно излагаемых в обвинительных заключениях результатов следственной деятельности, равно как и наивно надеяться на полное искоренение в обозримом будущем такого поведения посредством изменения подходов к воспитанию юридических кадров.

По всей вероятности, указанные резоны сыграли далеко не последнюю роль в возникшем на рубеже XX–XXI вв. стремлении «коллективного законодателя» к легализации и внедрению в правоприменительную практику принципиально новых подходов к форме и содержанию обвинительных заключений. Попытка реализации подобных намерений была предпринята в 2001 г. – в связи с принятием и введением в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)¹. Авторы законопроекта постарались значительно упростить существовавший ранее «советский» алгоритм подготовки обвинительного заключения. Его было предписано оформлять в виде краткой «аннотации» к материалам оконченого

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

досудебного производства, не предполагающей столь обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения имеющихся доказательств. В соответствии с изначальной редакцией ст. 220 УПК РФ содержание обвинительного заключения надлежало ограничивать данными о личности обвиняемого (обвиняемых), описанием установленных обстоятельств случившегося и точной формулировкой предъявленного обвинения (точными формулировками всех предъявленных обвинений), перечнем «обвинительных» и «контробвинительных» доказательств, а также изложением обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, сведений о потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике, характере и размере причиненного вреда. Причем в силу понятных причин эти требования были весьма позитивно восприняты сотрудниками органов предварительного расследования, поскольку привели к резкому снижению служебной нагрузки, к более рациональному расходованию рабочего времени, к возможности сосредотачиваться на прочих вопросах досудебного производства.

Вместе с тем на других краях «процессуального поля» – в прокуратуре и судебном сообществе – данные новации получили далеко не такие однозначные оценки. А наиболее недовольными вполне ожидаемо оказались те самые недобросовестные судьи, которые ввиду изменения требований к форме и содержанию обвинительных заключений просто лишились возможности злоупотреблять своим положением, уклоняясь от надлежащего исполнения полномочий за счет неправомерного использования результатов следственной деятельности. Поэтому практически сразу после вступления в силу нового уголовно-процессуального закона стали предприниматься усилия, направленные на реставрацию прежних подходов. Тем более что ввиду имеющихся у судебной власти правовых рычагов реализация подобных замыслов не составила особого труда.

Уже в марте 2004 г. Пленум Верховного Суда РФ в известном Постановлении № 1¹ разъяснил свое видение предписания об указании в обвинительном заключении перечня обвинительных и «контробвинительных» доказательств. Умело воспользовавшись неопределенностью и пред-

расположенностью к вариативному толкованию нормативной дефиниции доказательств (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), судьи Верховного Суда РФ настоятельно рекомендовали включать в такие перечни не только наименования и прочие идентификационные реквизиты предполагаемых к судебному исследованию средств доказывания (в терминологии авторов постановления Пленума – источников доказательств), но и краткое содержание каждого из них! А позднее, через шесть лет, такие рекомендации были поддержаны и самим законодателем [12, с. 160] – получили легальное воплощение посредством внесения в УПК РФ соответствующих коррективов². Причем, исходя из весьма краткого содержания опубликованной на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ пояснительной записки к соответствующему законопроекту³, потребность в подобных поправках была вызвана лишь приведением Кодекса в соответствие с вышеуказанной позицией Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, в результате предпринятых усилий произошла реставрация прежних, «советских» требований к форме и содержанию обвинительных заключений. Одновременно возродилась и соответствующая правоприменительная практика со всеми присущими ей изъянами и недостатками, в том числе предполагающими подготовку приговоров путем копирования значительных фрагментов «следственных» текстов. К тому же ввиду бурного развития компьютерных средств и цифровых технологий возникли новые формы передачи электронных версий обвинительных заключений. Вначале дискеты были вытеснены флеш-накопителями цифровой информации, вследствие чего в обиходе процессуального жаргона прочно укоренился термин «флеш-приговор». Затем соответствующие данные стали передаваться посредством электронной почты, мессенджеров, других современных технологических изобретений. Все эти факторы снова привели к увеличению «следственной» нагрузки, к очередному смещению «центра тяжести» уголовной юстиции в сторону предварительного расследования, к сознательному снижению процессуальной активности недобросовестных судей, к частичной

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 264516-5 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/264516-5> (дата обращения: 08.05.2024).

утрате стадий производства в суде первой инстанции своего смысла. Но самое главное, они неизбежно повлияли на усиление того самого обвинительного уклона, о недопустимости которого постоянно говорят и пишут многие ученые-процессуалисты, государственные и общественные деятели, практические работники и прочие специалисты.

Конечно, восстановленные усилиями судебной власти «советские» подходы к форме и содержанию обвинительного заключения представляются достаточно деструктивными, не соответствующими как современной парадигме уголовно-процессуальной деятельности в целом, так и насущным представлениям о предварительном расследовании и судебном разбирательстве в частности. Будучи предрасположенными к нарушению разумного соотношения следственных, прокурорских, судебных полномочий и соответствующей служебной нагрузки, к превращению находящихся в ведении недобросовестных служащих юстиции процессуальных процедур в бесполезные формальности, они подлежат безусловному пересмотру, предполагающему реставрацию первоначальной редакции ст. 220 УПК РФ или введение каких-либо новых, но схожих по смыслу предписаний.

Вместе с тем для обоснования подобной позиции требуются более серьезные аргументы, нежели чем просто наблюдаемые изъяны правоприменительной практики, к тому же причиняющие явные и заметные неудобства только следователям. В противном случае призывы к реставрации исходной редакции ст. 220 УПК РФ и т. п. будут казаться такими же тенденциозными, какими в свое время стали предложения по внесению в нее «судебно-ориентированных» поправок, а автор настоящей статьи незаслуженно навлечет на себя очередную порцию критики за якобы лоббирование корпоративных интересов органов предварительного следствия, в первую очередь своей профессиональной «колыбели» – следственных подразделений органов внутренних дел.

В этой связи уместно вернуться к выраженным в предыдущих публикациях автора и уже упомянутых во вводной части настоящей статьи взглядам о некорректности понимания обвинительного заключения как завершающего процедуру досудебного привлечения к уголовной ответственности правоприменительного акта и разумности сведения его миссии к подведению итогов предварительного следствия, к признанию уголовного дела пригодным для направ-

ления в суд и к формальному окончанию всех свойственных досудебному производству правоотношений¹. Кроме того, необходимо вспомнить о роли обвинительного заключения как повода для начала судебного разбирательства, а также о его обеспечительном и организационно-техническом (справочном) предназначениях. Ведь, исходя из результатов прежних научных изысканий автора, именно такие позиции и представляются единственно верными, соответствующими подлинному смыслу и исконной природе предварительного следствия.

Сопоставив эти позиции с требованиями, предъявляемыми к форме и содержанию обвинительных заключений, можно сильно усомниться в существовании причинно-следственных связей между ними. Какие-либо доктринальные предпосылки (не корпоративные интересы отдельных органов власти, а именно доктринальные предпосылки!) к столь обстоятельному освещению результатов следственной деятельности, в первую очередь подробному описанию имеющегося доказательственного материала, видятся достаточно смутными, не подразумевающими четких и понятных объяснений.

Например, вряд ли можно допустить, что такие требования связаны с обеспечительной и организационно-технической (справочной) ролями обвинительных заключений, т. е. обусловливаются не более чем потребностью в их использовании как процессуальных «путеводителей», как документов, способствующих потенциальным читателям в быстром ориентировании в материалах следственных производств. Решению этих задач служат совершенно другие, к слову, не вызывающие никаких вопросов и нареканий предписания об указании ссылок на соответствующие тома и листы уголовного дела, а также о составлении специальной справки, раскрывающей наиболее значимые детали и «реперные точки» предварительного следствия.

Несостоятельным представляется и тезис о детерминированности подобных требований сугубо формальным значением обвинительного заключения, предполагающим его использование в качестве документа-повода для завершения одних и практически одновременного возникновения других правоотношений: для окончательного «закрытия» досудебного произ-

¹ В этой связи стоит обратить внимание, что многие современные ученые по-прежнему придерживаются иной, опровергаемой автором настоящей статьи позиции о роли обвинительного заключения – связывают его предназначение именно с окончательным формулированием и подробным обоснованием предъявленного обвинения [6, с. 107; 10, с. 285 и др.].

водства и «открытия» судебного производства. Подобная роль обвинительного заключения предопределяется всего лишь традиционной для национальной уголовной юстиции потребностью в документальном оформлении процессуальных решений, в особенности имеющих столь важные юридические последствия.

Правда, на первый взгляд, вполне predisposed к подробному изложению в обвинительном заключении результатов следственной деятельности, включая освещение полученных доказательств, может показаться его направленность на подведение итогов предварительного расследования, на признание уголовного дела пригодным для дальнейшего направления в суд. Как уже отмечалось выше, именно такие, по крайней мере близкие по смыслу, доводы скорее всего и были положены в основу «советских» подходов к форме и содержанию указанных документов. Поэтому, конечно, можно и дальше наивно полагать, что предусмотренные ст. 220 УПК РФ требования способствуют укреплению законности, защищенности обвиняемых, реализации иных правовых ценностей, поскольку усиливают прозрачность досудебного производства в целом и ясность выдвигаемых органами предварительного следствия позиций в частности, а также обеспечивают отчетность следователей о проделанной работе, – увы, но, по всей вероятности, именно так и рассуждают некоторые современные ученые, признающие разумность существующих правил составления обвинительных заключений.

Однако при более детальном осмыслении подобных взглядов они начинают представляться абсолютно нежизнеспособными, не соответствующими современной парадигме уголовного судопроизводства. И если в советский период развития уголовной юстиции такие идеи еще могли признаваться справедливыми, то ввиду усиления состязательности уголовного правосудия и ряда других факторов – полностью утратили свою состоятельность. В настоящее время они упираются в не предполагающий внятного ответа вопрос об адресатах, т. е. о неких «потребителях» исчерпывающих разъяснений в обвинительных заключениях результатов следственной деятельности, в первую очередь достаточно детального описания полученных доказательств. Иными словами, не совсем понятно, кому и для чего вообще должна предоставляться возможность получения указанных сведений, да еще в столь подробной форме. Ведь гораздо более правильным, разумным, логичным и, са-

мое главное, объективным представляется непосредственное ознакомление с представленными материалами уголовного дела, нежели чем их изучение в «пересказе» следователя, т. е. путем прочтения «автореферата» завершеного досудебного производства. Причем все уполномоченные либо управомоченные «читатели» обвинительных заключений: судьи, прокуроры, обвиняемые, их защитники, потерпевшие – наделены полноценным правом (некоторые из них – даже обязаны) знакомиться со всем уголовным делом в полном объеме.

Кстати, нельзя даже предположить, что существующие требования к форме и содержанию обвинительных заключений обуславливаются обеспечением их мотивированности – в целях создания надлежащих условий для обжалования законности и обоснованности вытекающих из них решений. Ведь в отличие от многих других правоприменительных актов обвинительные заключения никакому обжалованию не подлежат и подлежать не могут, а правомерность выражаемых в них финальных позиций органов предварительного следствия проверяется и оценивается не посредством механизмов, предусмотренных гл. 16 УПК РФ, а прямо в ходе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции.

Результаты исследования

Таким образом, напрашивается неизбежный вывод об отсутствии на сегодняшний день каких-либо аргументов, обуславливающих необходимость использования существующих требований к форме и содержанию обвинительных заключений, по крайней мере для реализации каких-либо позитивных, подлинно правовых замыслов. В этой связи остается лишь в очередной раз убедиться в предопределенности данных требований и выработанных на их основе практических рекомендаций исключительно интересами и потребностями далеко не самых добросовестных и сознательных представителей судейского и прокурорского сообществ, привыкших пользоваться результатами следственной деятельности, пренебрегая надлежащим исполнением собственных обязанностей. Одновременно напрашивается невольное сравнение современных обвинительных заключений с авторефератами кандидатских и докторских диссертаций, зачастую используемых недобросовестными учеными (кафедральными рецензентами, официальными оппонентами, сотрудниками ведущих организаций и др.) в це-

лях уклонения от бремени ознакомления с представляемыми для обсуждения рукописями в полном объеме. Правда, авторефераты все-таки имеют подлинно научную миссию – будучи рассчитанным на достаточно широкий, неопределенный круг потенциальных читателей, каждый из них позволяет сформировать превентивное представление о соответствующей диссертации в целях уразумения потребности в ее более подробном штудировании либо получения самых общих сведений о содержании и результатах проведенного исследования. И в этом нет ничего странного, поскольку диссертация вовсе не предназначена для обязательного прочтения всеми лицами, ознакомившимися с ее авторефератом, – для решения ряда научных и научно-аттестационных задач изложенные в автореферате сведения могут оказаться вполне достаточными. Тогда как в сфере уголовного судопроизводства никаких задач, подразумевающих возможность ознакомления с обвинительным заключением без ознакомления со всеми материалами уголовного дела, просто нет – в противном случае вряд ли вообще стоило бы говорить о непосредственности, устности и состязательности сторон как важнейших условиях реализации судебной власти в первой инстанции.

Обсуждения и заключения

На основании всего вышеизложенного можно констатировать, что в настоящее время назрела острая потребность в нормативной и практической реставрации «постсоветского» подхода к форме и содержанию обвинительного заключения, т. е. просуществовавшего весьма непродолжительное время и затем официально признанного непригодным для использования алгоритма, отраженного в первоначальной редакции ст. 220 УПК РФ. Другими словами, необходимо вновь существенно сократить объем включаемых в обвинительное заключение сведений, тем самым опять превратив его в краткую «аннотацию» к материалам окончательного досудебного производства, не предполагающую обстоятельного освещения результатов следственной деятельности, в первую очередь подробного изложения имеющихся доказательств.

Представляется, что «контент» обвинительных заключений надлежит ограничивать лишь данными об обвиняемом и других заинтересованных в исходе уголовного дела участниках уголовного судопроизводства обобщенным описанием установленных обстоятельств случившегося, в том числе смягчающих и отягча-

ющих наказание обстоятельств, сведениями о характере и размере причиненного вреда, а также перечнями обвинительных и «контр обвинительных» доказательств с указанием их наименований и прочих идентификационных реквизитов и без изложения их содержания. В принципе, не существует даже надобности в обременении обвинительных заключений точными формулировками выдвигаемых следователями уголовно-правовых претензий (обвинений) – как уже отмечалось ранее, такие претензии подлежат отражению в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и ни в каком дублировании не нуждаются. Вместе с тем без подобных формулировок обвинительные заключения могут показаться логически незавершенными, не предполагающими детерминированных результатами следственной деятельности выводов, т. е. противоречащими смыслу самого термина «заключение»¹. И в этой связи соответствующие правотворческие шаги видятся не вполне разумными. Тем более что ввиду надлежащей оснащенности органов предварительного следствия современными компьютерными средствами и программными продуктами повторное изложение предъявленных ранее обвинений не должно составлять особого труда и отнимать у следователей много времени.

В целом же предлагаемые «новшества» позволят достаточно четко гармонизировать форму и содержание обвинительных заключений с их процессуальным предназначением и вернуть правоприменительную практику к вытекающему из самого смысла уголовной юстиции надлежащему балансу процессуальных функций, выраженному в разумном соотношении следственных, прокурорских и судебных полномочий, к возвращению «центра тяжести» всей системы уголовной юстиции на этап производства в суде первой инстанции. Кроме того, они поспособствуют резкому снижению «следственной» нагрузки и сокращению принимаемых в порядке ст. 237 УПК РФ судебных решений о возвращении уголовных дел прокурорам ввиду нарушений закона, допускаемых при составлении обвинительных заключений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселый В. З., Статкус В. Ф. Обвинительное заключение. М. : ВНИИ МВД СССР, 1970. 72 с.
2. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 222 с.

¹ Под заключением в русском языке принято понимать утверждение, являющееся выводом из чего-нибудь [5, с. 207].

3. Громов В. И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей. М. : Наркомюст РСФСР, 1926. 299 с.

4. Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1965. 367 с.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : А ТЕМП, 2006. 938 с.

6. Попова И. П. Обвинительное заключение как итоговый документ предварительного следствия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 107–109.

7. Россинский С. Б. Обвинительное заключение: процессуальное предназначение // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3. С. 35–41.

8. Россинский С. Б., Рябцева Е. В., Чучаев А. И. УПК РСФСР 1922 года – первый советский процессуальный Кодекс (к 100-летию со дня принятия) / под ред. А.И. Чучаева. М. : Ин-т государства и права РАН, 2023. – 216 с.

9. Руководство для следователей в двух частях / отв. ред. В. В. Найденов, П.А. Олейник. 2-е изд. Ч. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 544 с.

10. Семенов Е. А., Моругина Н. А. Обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление: понятие, отличия, задачи // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 3. С. 284–289.

11. Статкус В. Ф. Следователь органов внутренних дел и проблемы его деятельности. Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1976. 143 с.

12. Цветков Ю. А. Кто должен составлять обвинительное заключение // Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и его влияние на современный уголовный процесс. Памяти Николая Андреевича Буцковского (1811–1873) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М. : Моск. акад. Следственного комитета РФ имени А. Я. Сухарева, 2024. С. 157–161.

13. Якубович Н.А. Окончание предварительного следствия. М. : Юрид. лит., 1962. 147 с.

REFERENCES

1. Vesely V.Z., Statkus V.F. *Obvinitelnoe zaklyuchenie* [Closing indictment]. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1970, 72 p. (in Russian)

2. Vyshinsky A.Ya. *Kurs ugovornogo processa* [Criminal procedure course]. Moscow, Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR Publ., 1927, 222 p. (in Russian)

3. Gromov V.I. *Doznanie i predvaritelnoe sledstvie. Teoriya i tekhnika rassledovaniya prestuplenij: rukovodstvo dlya organov doznaniya i narodnykh sledovatelej* [Inquiry and preliminary investigation. Theory and technology of crime investigation: a guide for investigative agencies and public investigators]. Moscow, People's Commissariat of Justice of the RSFSR Publ., 1926, 299 p. (in Russian)

4. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Predvaritelnoe sledstvie v sovetskom ugovornom processe* [Preliminary investigation in Soviet criminal proceedings]. Moscow, Legal literature Publ., 1965, 367 p. (in Russian)

5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, A TEMP Publ., 2006, 938 p. (in Russian)

6. Popova I.P. *Obvinitelnoe zaklyuchenie kak itogovyy dokument predvaritelnoho sledstviya* [Indictment as the final document of the

preliminary investigation]. *Aktualnye problemy borby s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Current problems in the fight against crimes and other offenses], 2020, no. 20-1, pp. 107-109. (in Russian)

7. Rossinsky S.B. *Obvinitelnoe zaklyuchenie: processualnoe prednaznachenie* [Indictment: procedural purpose]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Legal sciences], 2023, no. 3. pp. 35-41. (in Russian)

8. Rossinsky S.B., Ryabtseva E.V., Chuchaev A.I. *UPK RSFSR 1922 goda – pervyy sovetskij processualnyy Kodeks (k 100-letiyu so dnya prinyatiya)* [The Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 – the first Soviet procedural Code (on the 100th anniversary of its adoption)]. Ed. A.I. Chuchaeva. Moscow, Institute of State and Law RAS Publ., 2023, 216 p. (in Russian)

9. *Rukovodstvo dlya sledovatelej v dvuh chastyah* [Guide for investigators in two parts]. Rep. ed. V.V. Naydenov, P.A. Oleinik. 2nd ed. Moscow, Legal literature Publ., 1981, part 1, 544 p. (in Russian)

10. Semenov E.A., Morugina N.A. *Obvinitelnoe zaklyuchenie, obvinitel'nyy akt i obvinitel'noe postanovlenie: ponyatie, otlichiya, zadachi* [Indictment, indictment and indictment: concept, differences, tasks]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no 3, pp. 284-289. (in Russian)

11. Statkus V.F. *Sledovatel organov vnutrennih del i problemy ego deyatel'nosti* [Investigator of internal affairs bodies and problems of his activity]. Volgograd, Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1976, 143 p. (in Russian)

12. Tsvetkov Yu.A. *Kto dolzhen sostavlyat obvinitelnoe zaklyuchenie* [Who should draw up an indictment]. *Ustav ugovornogo sudoproizvodstva 1864 g. i ego vliyanie na sovremennyj ugovolnyy process. Pamyati Nikolaya Andreevicha Buckovskogo (1811–1873)* [Charter of criminal proceedings of 1864 and its influence on modern criminal proceedings. In memory of Nikolai Andreevich Butskovsky (1811–1873)]. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukhareva Publ., 2024, pp. 157-161. (in Russian)

13. Yakubovich N.A. *Okonchanie predvaritelnoho sledstviya* [End of the preliminary investigation]. Moscow, Legal literature Publ., 1962, 147 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 04.09.2024.

Received on 11.06.2024; approved on 27.06.2024; accepted for publication on 04.09.2024.

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминалогии, Институт государства и права РАН (Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10), ORCID: 0000-0002-3862-3188, ResearcherID: A-9583-2019, Scopus AuthorID: 56578526900, РИНЦ AuthorID: 422673, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law RAS (10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-3862-3188, ResearcherID: A-9583-2019, Scopus AuthorID: 56578526900, RSCI AuthorID: 422673, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com